

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

«Понять, почему Литвиновых называют лидерами своего жанра, несложно — достаточно просто однажды открыть их книгу. Отличный детектив с нестандартными сюжетными поворотами и лихо закрученной интригой — всегда праздник даже для искушенного читателя. А настоящих праздников в жизни никогда не бывает много»
газета «Комсомольская правда»

НЕЗРИМАЯ
СВЯЗЬ

ISBN 978-5-699-69958-2

9 785699 699582 >

Авантюристка

Анна и Сергей Литвиновы

Незримая связь

«ЭКСМО»

2014

Литвиновы А.

Незримая связь / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2014 — (Авантюристка)

В последнее время Татьяне Садовниковой фатально не везло: ее подставили на дороге, обвинили в преступлении, которого она не совершала, и вдобавок уволили с работы... В поисках удачи она отправилась в Тибет, к легендарной горе Кайлас. Все тяготы пути и восхождения Таня перенесла не зря: у подножия священного камня она нашла белую нефритовую чайку. После этого ее дела резко пошли в гору... Вот и не верь в мистику! Но откуда на фигурке странное темное пятнышко? Танин отчим, полковник Ходасевич, отдал чайку на анализ, и результат их ошеломил – кровь! А вскоре кто-то тайно обыскал квартиру Садовниковой. Она не сомневалась: искали именно чайку... Похоже, у ее талисмана зловещая история, и она еще не окончена!

Анна и Сергей Литвиновы

Незримая связь

– Куда ты лезешь? Сумасшедшая? Ты себя в зеркале видела? – кричал мужчина.

Девушка растерялась:

– С утра видела. Ну, бледная немного – так горняшка же.

– Какая горняшка?! У тебя уже лицо посинело! Отек легких развивается! Очень быстро!

– Но у меня ничего не болит! Даже голова прошла!

Мужчина требовательно схватил ее за запястье:

– Пульс – больше ста сорока! Температура – под тридцать девять! Тебе немедленно надо вниз! Бегом!

Взглянул ей в глаза, безнадежно добавил:

– Хотя не дойдешь ты уже. А вертолет сюда вызвать невозможно. Если бы хоть кислород был!

– П-по-моему, вы сгущаете кра... – попробовала возразить она. Но договорить не смогла: грудь сотряс очередной приступ кашля, в глазах потемнело.

Дальше – ничего. Пустота.

А когда очнулась, увидела: Кайлас уже прямо перед ней. Неумолимый, черно-белый, опаляющий холодом. Попыталась шевельнуться – тело не слушалось. Хотела позвать проводника – губы пересохли. Скосила глаза на свои часы, они же высотомер, – стрелка застыла на пяти с половиной тысячах.

«А ведь у меня действительно отек легких, – отстраненно, без страха и без эмоций, подумала она. – И что-то предпринимать уже совершенно бессмысленно. Коллапс, кома, остановка сердца – вопрос, наверно, пары часов. Если не меньше».

Печально заканчивалась ее восточная одиссея.

Что ж, те, кто умирает у священных мест, говорят, попадают в рай.

* * *

Противный Колька, одноклассник из детского сада, обожал Юлечку Ларионову изводить. То компот посолит, то помпон от новой шапочки оторвет. «Пожалуйста воспитательнице», – советовала мама. «Давай я с ним поговорю. По-мужски», – предлагал отец. Но дочка всегда решительно отказывалась: «Не надо. Он на самом деле не злой».

А однажды вернулась из садика и потрясенно доложила родителям:

– Представляете? Колька меня на свой день рождения пригласил!

Юлечка праздника и ждала, и боялась одновременно. «Я же там единственной девочкой буду! Мам, а что мне надеть?»

Но маму беспокоило совсем другое: день рождения планировался в детском клубе, там инфекция сплошная, особенно в сыпучном ноябре. А Юлечка, и без того худенькая, хрупкая, в последние дни совсем бледной стала, под глазами синяки. Не помогали ни прогулки, ни мед, ни рыбий жир.

Но лишать дочку праздника мать не решилась. Нарядила в новое платье, заплела косу-колосок, смазала нос оксолиновой мазью и отвезла в детский клуб.

Монстр Колька в честь дня рождения был смирен, облачен в костюм и даже рожу (как всегда в саду бывало) при встрече Юле не скорчил. Лишь изрек философски:

– Когда ты с двумя косами, то коза. А когда с одной – единорог.

– А твой язык, Колька, надо жарить и отдать собакам, – невозмутимо парировала Юлечка. – С днем рождения!

И протянула огромный конструктор (упросила маму купить «самый большущий», чтоб имениннику точно понравился).

– Вау! – просиял он.

Колина мать смущенно произнесла:

– Ну, куда такой громадный! Не заслужил он... – И добавила торопливо: – Вы не волнуйтесь, Юленьке вашей тут хорошо будет.

И действительно: девочка с удовольствием надела на ручку браслет – пропуск в лабиринт – и уже через минуту увлеченно бомбардировала Кольку мягкими шариками из пневмопушки. Дочка выглядела такой счастливой! Разрумянилась, глазки заблестели.

Но все равно мама волновалась. И в детский клуб приехала гораздо раньше, чем было назначено.

Колька заметил ее первым. Оторвался от ядовито-кремового торта, сообщил радостно:

– А у вашей Юльки кровь из носа текла!

– Я нос, наверно, случайно ушибла, – виновато произнесла дочка. – Но уже ничего не болит. Только платье новое жалко...

Румянец – пылает, а лоб, нос, подбородок – совершенно бледные.

– Ты не заболела? – Мать взволнованно коснулась губами виска девочки.

Температуры, к счастью, не было, но она все равно с трудом дождалась, когда отгремит в честь именинника фейерверк из конфетти, всем гостям раздадут надувные шарик и можно будет идти домой.

Юля – хотя времени было только восемь – всю дорогу терла глазки и даже мультиков не попросила, пожаловалась: «Я спать хочу».

А наутро, едва встала с постели, покачнулась. Пробормотала удивленно:

– На меня чуть потолок не упал.

Мать подхватила дочь на руки:

– Слушай, ты сама-то не падала? Головой не ударялась на этом дне рождения?

– Ну... один раз только немножко. Когда Колька меня с горки толкнул. Но он не нарочно!

– С высокой горки?!

– Ну, такая... со второго уровня на первый. Да я в шарик упала, они мягкие! Ты не волнуйся!

– Ничего себе! – возмутилась мать.

Выглядела дочка опять – как в последние дни – словно печальное облачко. В лице ни кровинки, глазищи огромные, блестят. Но лоб прохладный.

– Я врача сейчас вызову, – схватилась она за телефон.

– И что ему скажешь? – скептически поинтересовался муж.

– Что у ребенка – головокружение, это ненормально, согласись.

– Но у меня уже ничего не кружится, – запротестовала Юлечка.

И бодрячком побежала в ванную. Мама стояла в дверях, улыбаясь, наблюдала, как старательно Юля выдавливает зубную пасту, аккуратно, до кромки, наливает воду в стакан.

– Рубашка моя чистая где? – отвлек ее муж.

Объяснять, где лежит, бесполезно – проще в руки дать.

Мать вышла из ванной комнаты. А когда вернулась – Юлечка лежала на полу.

– Доча! – бросилась к ней мать.

– Мам, все хорошо, – слабым голосом произнесла девочка. – Я поскользнулась просто.

Да что же за напасть!

– Мы идем в поликлинику. Прямо сейчас, – твердо произнесла мама.

Но женщина-врач, равнодушная и усталая, ее опасений не разделила:

– Простудных явлений нет. Сотрясения мозга – тоже. Переутомился ребенок ваш. Они в шесть лет быстро растут, организм не справляется. Отсюда и головокружения, и бледность. Что ж, доктору виднее.

Мама чуть успокоилась. Юля еще месяц считалась здоровым ребенком и исправно ходила в садик.

Правда открылась лишь спустя месяц, когда у девочки, наконец, взяли кровь на анализ. И правда оказалась безжалостной: Юлечка Ларионова умирала.

* * *

Многие великие дела начинаются с мелочей. Так и у Татьяны Садовниковой. Завертелось все с того, что она решила: пора ей завести в Интернете собственный блог. У всех есть, а у нее до сих пор нет!

И завела. Писала каждый день о том же, о чем и прочая публика: про погоду, работу, шопинг, поругивала правительство, изредка философствовала.

Садовникова надеялась, что читателей у нее будет несколько сотен как минимум. Но увы – особой популярности ее блог не снискал.

– Ты слишком интеллигентна для того, чтоб стать известной, – насмехались подруги. – Пиши про любовников, эротические фантазии, ругайся матом – поклонников сразу прибавится.

Однако Таня все же надеялась раскрутить свой блог и без «жареного». Добросовестно просматривала все комменты, искренне радовалась каждому новому *френду*.

Однажды, в ответ на пространный пост о распродажах, прочла:

Как считаешь, в чем смысл жизни? Старик Аристотель учил: он в том, чтоб служить другим и делать добро. А ты умрешь – тебя никто и не вспомнит.

Отвечать анонимному злопыхателю Садовникова не стала. Мало ли на просторах Интернета желающих просто так, без повода, настроение человеку испортить?

Но бывает, что запомнится какая-нибудь глупость и не выгонишь ее из головы никакими силами. Так и с этим комментарием: будто песенка навязчивая прицепилась, запустила цепную реакцию грустных мыслей.

Черт, вздыхала Таня, а ведь прав неизвестный недоброжелатель. Жизнь-то проходит – в путешествиях, вечеринках, работе, шопинге, фитнесе, пустой болтовне!

«А сделала я хотя бы что-то, чтоб, красиво говоря, в людской памяти остаться?» – задала себе вопрос она.

Ну, допустим... многие рекламные ролики, что она придумала, народу запомнились, престижные призы получили. Мужчины – кто любил ее и кого любила она – никогда ее не забудут. И все, все! В остальном она никак не изменила мир, не улучшила его, не оставила о себе доброго следа!

«Эй, Танька! – оборвала сама себя Садовникова. – Да у тебя депрессия, что ли?»

Впрочем, те, кто в депрессии, обычно тоскуют, рыдают и бесцельно себя корят. А Тане, наоборот, вдруг захотелось что-то СДЕЛАТЬ! Пока не поздно еще, ухватить колесо судьбы, развернуть собственное бесцельное бытие в правильном направлении.

Таня была не из тех, кто начинает новую жизнь с понедельника или с Нового года, потому взялась за коррекцию судьбы немедленно.

Рекламное агентство, где она работала, как раз выиграло тендер на продвижение очередного «чудо-крема», и заказ отдали ей.

Садовникова, как всегда, протестировала продукцию на себе, внимательно прочитала аннотацию, отзывы в Интернете и сделала неутешительный вывод: увы, крем в плане омоложе-

ния и даже банального увлажнения кожи совершенно бесполезен. К тому же у многих вызывает аллергию.

А от нее требуют, чтоб побуждала доверчивых женщин к покупке. Вбивала в их головы постулаты об уникальности товара. Заверяла, что, только мазни личико, сразу станешь самой желанной, потрясающей, любимой. Ох, до чего надоело! Можно, конечно, просто уволиться – только на ее место тут же возьмут кого-нибудь еще.

Но что, если... не душить, как принято, потребителя, а сыграть с ним честно?

И Таня для рекламы крема выбрала путь нетривиальный. Решила: не будет никакого гламура, холеных фотомоделей, ярких тропических красок. Снимать ролики нужно в российской глубинке, героиней взять обычную, не слишком эффектную девушку, и от стандартной идеи (*именно этот крем превратит тебя в принцессу!*) уйти максимально. Даже девиз для рекламной кампании придумала совершенно неожиданный: «Красавиц замуж не берут».

Директор агентства, когда прочитал концепцию, усмехнулся:

– Первейший закон рекламы нарушаешь, милочка. Пипл от тебя красивого ждет, а ты ему критический реализм подсовываешь.

– Да пипл счастлив будет, – парировала она. – Красивым весь телевизор полон. Давно пора сменить пластинку.

Начальник задумался. Наконец сказал:

– Ладно, Садовникова. Ты звезда. Имеешь право. Уверена в успехе – рискуй.

Но Таня – когда придумывала сценарий и снимала ролик – впервые в жизни не думала ни об успехе, ни о продажах. И о том, чтоб отхватить за свой клип премию, тоже. Конечно, ее обязанность – всучить потребителю как можно больше баночек пресловутого крема. Но сейчас ей очень хотелось совсем другого – донести до тысяч, миллионов обычных женщин простую мысль: жизнь коротка, не стоит тратить отпущенное тебе драгоценное время на то, чтоб обрабатываться в прекрасную принцессу. Не надо часами грустить перед зеркалом, расходовать силы и деньги на дорожные процедуры. Даже статистику в своем ролике привела: лишь половина тех, кого считают красавицами, замужем. А счастливы из них – от силы десять процентов.

Ролик вышел на экраны и публике понравился. До Тани даже несколько писем дошло – передали с телеканалов: женщины дружно благодарили ее «за правду». Одна бабушка и вовсе спасительницей называла: «Внучка раньше с ребятами встречаться стеснялась, считала, что некрасивая. А теперь рекламу вашу посмотрела – и поклонника себе завела, на дискотеки ходит!»

В письмах, правда, ни слова не было о том, купили ли благодарные потребители пресловутый крем, но Таня все равно была счастлива. Она впервые реально помогла многим людям!

И готова была продолжать делать добро.

...Вскоре после выхода ролика на экраны раскаленным июньским днем Садовникова спешила по Тверскому бульвару. (Машину из-за пробок пришлось бросить на подступах к Садовому кольцу.) Ковылять в деловом костюме, колготках и на каблуках было жарко и неудобно. И вдвойне обидно, что народ кругом разряжен по-пляжному, атмосфера на столичном бульваре будто на курорте. Кто с мороженым на лавочке прохлаждается, кто с пивом на газоне. Подружки перекидывают мяч, пенсионеры играют в шахматы, малышня босиком бежит по газонам. Таня даже размечталась: послать бы сейчас к богу в рай надоевшую работу, стянуть колготки, купить вреднящую кока-колу, плюхнуться на траву, и плевать, что дорожный костюм от Ив Сен-Лорана мигом зазеленится.

Впрочем, люди, отдыхавшие на бульваре, поглядывали на нее с завистью и, возможно, мечтали оказаться на ее месте. Молодая, красивая, успешная, дорого одетая. Спешит на необременительную – уж точно, не траншеи рыть! – работенку.

Особенно горьким взглядом проводила ее совсем молодая, не старше семнадцати, девчонка. Столько даже не зависти в ее взоре было, но безнадёги, смирения перед собственной

грустной долей. Таня мимолетно разглядела девушку: одета простенько, ноготки обгрызены, толстушка, далеко не красавица.

«Интересно, видела она мою рекламу про крем?» – задумалась Таня. Впрочем, быстро выбросила случайную прохожую из головы. Не до пустых размышлений сейчас. Нужно на предстоящих переговорах сосредоточиться.

...Тот рабочий день затянулся почти до десяти вечера, и когда Таня возвращалась с работы, повалиться на газоне уже не мечтала. Переговоры с двумя заказчиками и мозговой штурм по новому проекту кого угодно измотают. Поскорей бы вызволить с платной стоянки машину, добраться до спасительной тишины квартиры и плюхнуться в прохладную ванну.

Публика на Тверском к вечеру сменилась. Вместо студентов с конспектами и пенсионеров с газетами – все больше пьяноватые подростки. Но девушка, на которую Таня обратила внимание утром, осталась на той же самой лавочке. Еще более грустная, под глазами залегла синева. Пьет кефир, в руках булочка. И носом хлюпает – то ли простудилась, то ли плачет.

«Она что ж, целый день тут сидела?! – заинтересовалась Татьяна. – Но зачем? Жаль, спросить неудобно».

Уже прошла мимо, как вдруг услышала за спиной робкий голос:

– Извините, пожалуйста.

Остановилась, обернулась. Ободряюще улыбнулась несчастному созданию:

– Да?

Та совсем засмушалась, опустила голову:

– У вас, случайно, не найдется пятидесяти рублей?

Татьяна еле сдержала вздох разочарования.

Попрошаек – особенно молодых, здоровых – Садовникова не переносила на дух. А их сказки, всегда однотипные, про сгоревший дом и деньги на операцию ребенку, ее просто бесили. Неужели эта особа сейчас заведет ту же шарманку?

– И зачем тебе пятьдесят рублей? – усмехнулась Татьяна.

– Нужно кислоту купить. Аскорбиновую, – вздохнула девушка.

Что-то новенькое.

– Зачем тебе?

– Не мне. – Попрошайка погладила себя по животу. – Маленькому.

И только тут Садовникова разглядела: девчонка-то не толстая, как ей сначала показалось, а в положении! Таня не слишком разбиралась в сроках, но живот был уже огромный.

«Купит она себе пива вместо аскорбинки!» – подленько шепнул внутренний голос.

Но Таня все же вытащила кошелек.

Пятидесяти рублей в нем не нашлось. Мелочью, может, и наскребла бы, но Садовниковой вдруг стыдно стало вытряхивать несчастной копейки. И она широким жестом протянула пятисотенную:

– Возьми.

– Ой... – растерялась та. И неожиданно брякнула: – А у меня сдачи нет.

– Не нужно мне сдачи, – поморщилась Таня. – Пойди, вон, черешни себе купи, настоящих каких-нибудь фруктов, а не химической аскорбинки.

– Что ж... спасибо вам огромное, – незнакомка расплылась в недоверчивой улыбке. – Маленькому на приданое пойдет.

– Слушай, – не удержалась Садовникова. – У тебя совсем, что ли, денег нет?

– Нету, – вздохнула та. – С работы сразу выгнали, как про беременность узнали, с квартиры тоже.

– А... парень? Отец ребенка?

– Бросил меня. Да и пошел он! – Девушка недобро блеснула глазами.

Таня вообще не представляла, что бы она сама делала в подобной ситуации – беременная, без жилья, без поддержки. А как другие справляются, прежде не задумывалась. Считала: сами виноваты. Но эту непутевую ей вдруг до того жаль стало!

– Под кустом, что ли, будешь ребенка рожать? – укоризненно произнесла Садовникова.

– Ерунда. Прорвусь, – отмахнулась девица. – Лето, тепло. А срок подойдет – в больничку сунусь, по «Скорой». Примут, куда денутся. Когда схватки, без полиса можно.

И Татьяне вдруг стыдно стало за собственную, честно заработанную квартиру, высокую зарплату, беспроблемную жизнь. Едва не ляпнула: «А поехали ко мне! Хоть ванну примешь, отдохнешь нормально!»

Но от опрометчивых слов удержалась – рискованно неизвестно кого к себе домой приглашать. Пробормотала:

– Слушай, неужели тебе вообще пойти некуда? Есть же какие-то фонды, организации благотворительные?

– Вот еще, к ним в казарму! В девять ноль-ноль отбой, мозг компостируют, – окрысилась девушка. – Я уж лучше тут, на природе.

– Ну, хорошей тебе тогда ночи, – пожала плечами Таня.

Юркнула в метро, добралась до парковки, где ее дожидалась машинка, красавец-«Инфинити». Откинулась в удобном кресле, включила кондиционер, музыку. Задуматься бы сейчас о приятном – грядущем отпуске, круизе по норвежским фьордам, например. Но никак не выходила у нее из головы несчастная беременная. Может, денег ей дать? Еще, да побольше? Таня не обеднеет. Беда в другом: не умеет такой контингент распоряжаться капиталом. К гадалке не ходи: откладывать девица не станет, помчится на какой-нибудь дешевый рынок, наберет себе ворох кофточек с люрексом, пару раз шиканет в ресторане – и снова на бульвар, милостыню просить.

Значит, нужно не деньгами помочь – как-нибудь по-другому.

Таня – хотя прежде о благотворительности понятия не имела – план «спасения утопающей» разработала быстро. И назавтра – когда снова увидела свою знакомую на бульваре – подошла к ней сама. Деловито произнесла:

– Я тебе общагу нашла. Удобства на этаже, но комната отдельная. Против ребенка там не возражают. Готова оплатить твоё проживание. Месяца на три. И обеды в столовой, хотя бы раз в день нормально питаться будешь.

Девица опешила:

– Ой... – Взглянула на Таню чуть не со страхом, добавила: – Зачем это вам?!

– Сама не знаю, – честно призналась Садовникова.

– Вы, может... – беременная окинула ее внимательным взглядом, – моего ребенка купить хотите?

– С ума сошла, – фыркнула Таня. – Зачем он мне нужен?!

– А чего? У меня там, – погладила себя по животу, – мальчик. Здоровенький. Славянин.

– Если понадобится, я себе сама рожу, – заверила Татьяна. Взглянула на часы, поторопила: – Ну, что решаешь?

– Да, да, да!

– Тогда жди меня здесь же вечером. Часов в восемь.

Денег, что потратить придется, Таня вообще не жалела. А вот времени уйдет уйма: общежитие, где согласились принять женщину с ребенком, находилось на другом от ее дома конце Москвы, в Отрадном. Но что поделаешь, если уж взялась за благотворительность!

* * *

Крыша над головой и собственная постель – что может быть лучше?!

Таня рассчитывала, что ее протеже рассыплется в благодарностях, но та свое новое жилище приняла без восторга:

- Душно здесь. Шумно. И гастарбайтеры.
  - Не нравится – возвращайся на бульвар, – пожала плечами Садовникова.
  - Да ладно. Перекантуюсь пока. – Девушка ей будто милость оказывала.
- Кто их поймет, несчастных-бедных!

Татьяна уже изрядно устала от нового своего амплуа матушки Терезы. Сухо попрощалась с беременной – и с удовольствием юркнула в машину, свое убежище. Время близилось к полуночи, город наконец опустел – гнать бы сейчас под двести, благо двигатель позволяет. Впрочем, – раз уж начала остепеняться, – будь последовательной. Потому Садовникова *превышала* лишь изредка и ненамного.

В паре километров от общежития, на однополосной улице Бестужевых, у остановки замер автобус. Обезжать нельзя, двойная сплошная. Таня послушно притормозила. Пассажиры вышли, но «Икарус» отъезжать не спешил. Сзади забибикали. Девушка взглянула в зеркало: на хвосте черный джип.

- Обгоняй, если такой умный, – пробормотала она.

Водитель внедорожника бесстрашно унесся по встречке. Вслед за ним последовала убитая «пятерка» – толстомордый водитель не поленился открыть окошко, выкрикнул Татьяне:

- Езжай, овца! Никого нет!

Автобус продолжал стоять с распахнутыми дверями.

«Что я действительно: совсем зашуганная! Ночь, менты все спать легли».

Но только Таня вывернула за сплошную – ей наперерез тут же выпрыгнул гаишник. Его лицо выражало неприкрытую радость.

- Нарушаем? – весело произнес он.

Откуда он взялся? Ага, вот полицейская машина. Хитро замаскирована за газетной палаткой. Все чин чинком: два полицейских, камера на треноге. Похоже, проверенное хлебное место.

Ладно, прорвемся. Еще не родился мужчина, который мог бы устоять перед ее умоляющей улыбкой.

- Простите неразумную, – виновато произнесла Таня. – Все поехали, и я поехала.

Обольстительно улыбнулась полицейскому, но тот смотрел сурово. Сухо констатировал:

- Обгон через сплошную.

– Не обгон, а объезд препятствия, – парировала Татьяна. – Вы что, не видите? Я минут десять честно стояла, ждала, а он все не едет. Сломался, наверно.

- Аварийная сигнализация у автобуса включена? – вкрадчиво поинтересовался гаишник.

Ответить Таня не успела – вредный «Икарус» в самый неподходящий момент закрыл наконец двери и отбыл.

– Вот видите, не сломан. Видеозапись нарушения смотреть будем? – деловито спросил полицейский.

И подмигнул своему напарнику.

Но Таня сдаваться не собиралась:

- А почему вы джип не остановили? И «пятерку»? Они раньше меня проехали!

- Документики давайте, – еще более хмуро произнес страж порядка.

– Отпустите меня, пожалуйста! – не теряла надежды Садовникова. – Я ведь никому не помешала, аварийной ситуации не создала. Ночь, машин нет, пешеходов тоже.

- А ПДД – они в любое время суток едины, – назидательно произнес мент.

Вот зараза!

- Сколько? – устало выдохнула Татьяна.

- В патрульную машину пройдемте, – поджал губы гаишник.

И только в ней нацарапал на бумажке: сто тысяч.

– Вы, по-моему, лишний ноль приписали, – покачала головой Садовникова.

– Как угодно. – Полицейский шустро разорвал бумаженцию.

И взялся выписывать протокол.

– Вот, блин, правовое государство! – вырвалось у Тани. – Вы б лучше пробки так ретиво разруливали! Угнанные машины искали!

– Водительское удостоверение я у вас изымаю, – невозмутимо изрек гаишник. – А за повесточкой в суд завтра подъедете. Сюда же, в Северо-Восточный округ.

– Послушайте, но это ведь натуральная ловушка! Подстава! – продолжала бушевать Таня. – И почему вы остановили именно меня? Потому что у джипа номера блатные, а с «пятерки» взять нечего?!

– Что-то вы, девушка, очень агрессивная. Алкогольные напитки сегодня употребляли?

– Я не пью за рулем!

– Сейчас проверим.

Сомневаться не приходилось: алкотестер ей подсунут какой-нибудь левый, хоть десятую долю промилле, да покажет!

«Вот я попала! – пронеслось в голове у Тани. – Может, черт с ним? Заплатить? Наличных у меня нет, но, говорят, гаишники не гнушаются до банкомата подбросить».

Но предложить деньги не успела. Увидела: в спину полицейской машины ударил свет фар. Очередной автобус! А спустя секунду – она просто глазам своим не поверила! – его обогнала та же самая убитая «пятерка». Ошибиться Таня не могла: красная, с мятым крылом, за рулем – все тот же мордатый парень.

Напарник полицейского – он оставался на дороге – принял боевую стойку... и через долю секунды уже бросился к очередной жертве, новенькому белому «Мицубиси», что опасно вырулил из-за автобуса.

– Да у вас тут целый кооператив! – ошарашенно молвила Татьяна. – Я на вас жалобу напишу!

– О чем? – Гаишник взглянул на нее даже жалостливо. – Не мы ведь вас на встречную полосу выезжать заставляли.

– Но эта битая «пятерка», что сзади сигналит, – она явно с вами в доле. Людей провоцирует, а вы ей потом процент от прибыли отстегиваете!

– А дисциплинированный водитель на провокации поддаваться не должен, – усмехнулся полицейский. И вручил ей протокол: – Извольте подписать.

– И не подумаю! Хотя нет, давайте.

В месте, оставленном для объяснений, Таня красочно описала, в чем суть ловушки: ночь, автобусная остановка, битые «Жигули»-провокация.

Гаишник прочитал, покачал головой:

– Неразумно себя ведете. Лучше б вину признали и минимальным наказанием отделались.

– А мне что четыре месяца без руля, что шесть – одинаково плохо, – заверила Татьяна. – И я еще куда следует сообщу, что вы у меня взятку вымогали. – Не моргнув глазом соврала: – Я бумажечку, на которой вы сумму написали, сфотографировать успела.

Полицейский взглянул встревоженно – но, увы, быстро просек, что девушка блефует. Беззлобно буркнул:

– Да хоть ты из себя вывернись – бесполезно. Суды за выезд на встречу решение не глядя выносят.

Вручил ей копию протокола, временное разрешение на вождение – и поспешил на выручку приятелю, который уже обрабатывал перепуганную водительницу белой «Мицубиси».

Таня вернулась в свою машину. Из приемника лился беззаботный Штраус, и она раздраженно выключила музыку.

«Вот я попала! – корила себя Татьяна. – Чего понесло меня в это Отрадное?! Беременной сиротке решила помочь, только подумать. А сама вместо высшей благодарности без прав останусь!!!»

Домой она вернулась только к двум часам ночи. Завтра вставать, как обычно, в восемь, но сна – ни в одном глазу. Требовалось срочно выплеснуть эмоции, и Садовникова плюхнулась за компьютер.

Нужно поделиться с читателями блога последними новостями.

Таня, пока строчила, зло и хлестко, пост о подлых ментах, не надеялась на какой-то особенный отклик. Однако комменты, несмотря на поздний час, посыпались градом. Причем не от френдов – от совершенно незнакомых людей. Писали разное. От иронического: «Ты блондинка?» – до сочувственного: «Выпей водки!». Советовали своих адвокатов, подсказывали, где раздобыть фальшивые права, парочка граждан, вдохновленных Таниной фотографией-аватаркой, предлагала стать ее шоферами.

«Любит у нас народ про чужие беды читать», – усмехнулась Татьяна.

Но на душе от дружного людского сочувствия стало легче.

...Назавтра ей снова пришлось тащиться в Отрадное за повесткой в суд. (Почему бумажку нельзя было выдать сразу – осталось загадкой.) Дорога заняла два часа, зато в полиции Таня провела не больше пяти минут. И решила, раз уж все равно занесла ее нелегкая на столичную окраину, заглянуть в общежитие. Проведать свою подопечную.

Беременная оказалась дома. С чрезвычайно мрачным лицом валялась на кровати, читала глянецовый журнал. Увидела Татьяну – даже не приподнялась, вяло приветствовала:

– Проверять приехала? Не бойсь, все нормально у меня. Не буяню, не кирую.

И вдруг оживилась, тяжело села на постели, уставилась на Танины босоножки:

– Это у тебя «Прада»? Из новой коллекции?

– Разбираешься в модных тенденциях? – усмехнулась Садовникова.

– Чего остается? – оскалилась девица. – Только завидовать, как другие живут. Слушай, откуда у тебя все? Тачка классная, деньги, шмотки? Любовник богатый?

– Не угадала, – пожала плечами Татьяна. – Я всего лишь много работаю.

Беременная взглянула недоверчиво:

– Брось. Своим горбом на «Праду» не напашешь.

Да что ж это такое! Почему ей еще оправдываться перед нахалкой приходится?!

Но Таня все же объяснила:

– Я окончила университет. Аспирантуру. Знаю два иностранных языка. Работаю в американской фирме. И получаю адекватно своей квалификации.

– Нет, ну везет же некоторым, а? – в голосе девицы звучала неприкрытая зависть.

«Что-то, по-моему, совсем неправильный я выбрала объект для благотворительности», – запоздало раскаялась Садовникова. Но делать нечего. Взялась помогать – терпи.

Татьяна решила сменить тему. Опасливо покосилась на огромный живот своей протеже, спросила:

– Тебе рожать-то когда?

– Да уже побаливает. Сегодня, наверно. Или завтра. Уж не чаю, когда наконец избавлюсь. Ох, и напьюсь, когда все закончится! – Девица мечтательно улыбнулась.

– А ты кормить ребенка разве не собираешься? – удивилась Садовникова.

– Вот еще! – возмутилась беременная. – Чтоб грудь отвисла?!

Читать лекцию про иммунитет, что закладывается у ребенка благодаря материнскому молоку, Татьяна не стала. Лишь вздохнула:

– Ладно. Удачи тебе.

– Слушай, – торопливо молвила та, – а у тебя еще тышчонки не найдется? Чего-нибудь вкусненького хочется, а в столовке кормежка дрянная.

– Извини, больше ничем помочь не могу, – ответила Садовникова.

И услышала в спину:

– Жадюга!

Вот мерзавка!

Таня еле удержалась от искушения отправиться прямо сейчас к коменданту общежития и потребовать возврата денег, что уплачены за проживание противной девицы.

А вечером вышла в Сеть с очередным постом. Назвала его: «К черту благотворительность!» Повела про свой порыв – помочь несчастной девушке. *Времени кучу потратила, денег. А та еще и недовольна – что я ей общежитие оплатила, а не роскошный отель.*

И снова – на удивление! – получила самый горячий отклик. Целых триста комментариев! Народ давал советы, спорил – и с ней, и между собой, высылал ссылки на сайты тяжело больных детишек, просил о помощи, сочувствовал и насмехался.

Татьяна внимательно прочитала все комментарии. Отправилась по одной из ссылок на страничку шестилетней девочки Юли Ларионовой. Рассмотрела фотографию: очень худенькая, огромные глаза, застенчивая улыбка. Прочитала про безнадежный диагноз и варианты лечения: *Только на подбор потенциального донора костного мозга требуется пятнадцать тысяч евро*, – сообщали волонтеры. Но честно признавались: шансы, что ребенок выживет даже после трансплантации, – невелики.

Садовникова, чувствуя себя виноватой, закрыла сайт. Ну отправит она Юленьке деньги. А если уже слишком поздно? Или, еще обиднее, средства до ребенка просто не дойдут, осядут на счетах ушлых посредников? Куда легче – да и дешевле – просто оплатить случайно встреченной девице общежитие и питание в столовке.

...Спала этой ночью Садовникова из рук вон. Снилось чужь исключительная. Гаишник (тот самый, противный, что отобрал права) протягивал ей орущего младенца. Таня отказывалась, отталкивала его, но полицейский супил брови: «Извольте получить, заказ оплачен». Потом видение сменилось – ее окружила толпа исключительно некрасивых женщин. Они обступали ее все плотней и плотней, громко скандировали: «Дай нам чудо-крем!» А закончился кошмар седобородым старцем. Тот похож был на Серафима Саровского, но говорил почему-то по-английски, требовал: «Спроси Миларепу!» При чем кто такой Миларепа – Татьяна ни малейшего понятия не имела.

Проснулась совершенно разбитой – и почему-то в твердой уверенности, что череда неприятностей далеко не закончена.

Так и оказалось.

Не успела прийти на работу, ее вызвал шеф. Официально, через секретаршу, – сей факт ничего хорошего не сулил. В кабинете, помимо директора агентства, присутствовали двое: заказчики рекламы того самого чудо-крема. Выглядели все трое чрезвычайно хмуро.

– Слушаю вас внимательно, – бодро улыбнулась Татьяна.

Мужчины переглянулись.

– Госпожа Садовникова, – вкрадчиво улыбнулся производитель крема, – как вы думаете, насколько изменилась динамика продаж после выхода на экран ваших роликов?

Таня не сомневалась ни секунды:

– Естественно, продажи взлетели. А насколько – это вопрос не ко мне, я не эккаунт, я копирайтер.

– Завидное самомнение, – покачал головой мужчина.

Второй же кремопроизводитель едко добавил:

– Мы тоже полагали, что они взлетят. Хотя бы потому, что оплатили самое дорогостоящее время на центральных каналах. Однако вот, если угодно, график. Полюбуйтесь.

И продемонстрировал на экране ноутбука печальную, как в кардиограмме у покойника, прямую линию.

– Ты проводила предварительное тестирование перед запуском ролика? – хмуро поинтересовался у Тани директор агентства.

– Естественно, – не моргнув глазом соврала Татьяна. – Все в восторге, народу особенно слоган понравился.

– Да-да, я помню. «Красавиц замуж не берут», – зловеще процитировал один из заказчиков. – Мы, к сожалению, тогда поверили вам на слово. И сами проверили эффективность вашего сомнительного девиза только сейчас. Выяснилось: он вызывает исключительно негативные эмоции. Тридцать семь процентов ответов: «Не куплю ни в коем случае». И двадцать девять – «скорее не куплю». И это вы называете удачным слоганом?!

– Я не знаю, что у вас была за выборка, – продолжала защищаться Садовникова, – но женщинам моя реклама реально нравится. Ее вся страна цитирует!

– Вот именно, – злобно кивнул парфюмер. – Цитирует. Но крем при этом не покупает!

– Ты занималась чистым искусством, Таня, – укоризненно вставил свои пять копеек генеральный директор, – но у нас не музей и не театр. Мы должны деньги зарабатывать.

– Ну чего вам стоило, – почти жалобно произнес производитель крема, – написать, что именно наш крем превратит любую женщину в красавицу?! И снять в ролике не прыщавую девочку-подростка, а какую-нибудь фотомодель?

– Потому что это было уже сто миллионов раз!

– И всегда работало, – тяжело вздохнул второй парфюмер. – А вы нас разорили. Мы будем возврата денег требовать. Хотя бы тех, что ушли на разработку рекламной концепции.

– Ваше право, – не стал возражать Танин начальник. Кивнул на Садовникову: – Мы будем из ее зарплаты вычитать.

Тане кровь ударила в голову. Она запальчиво произнесла:

– А вам не приходило в голову, что дело не в рекламе? Что банально ваш крем просто дерьмо?!

Производители не обиделись, тут же парировали:

– А вам не приходило в голову, что мы за то и платим: чтоб вы из дерьма конфетку делали?!

– Да, Татьяна, – тяжело вздохнул ее непосредственный начальник. – Не доросла ты еще до карт-бланша, до полной свободы. Так что с руководства проектами я тебя снимаю. Будешь рядовым копирайтером. Причем с испытательным сроком. Иди. Приказ я подготовлю.

– Не надо, – отмахнулась она. – Я лучше сама. Заявление об увольнении напишу.

– Препятствовать не стану, – поджал губы шеф.

Вот и благодарность за то, что помогла она миллионам российских женщин почувствовать себя увереннее, красивее, успешнее!

Тем же вечером Таня описала в своем блоге последние события. Горько резюмировала:

Мир, особенно наш, рекламный, полон вранья! Вы думаете, кот, что весело скачет по крышам, ест тот самый корм? Да никогда в жизни, его пичкают исключительно мясом! И никаких живых бактерий в йогуртах нет, просто быть не может – потому что у них срок хранения больше месяца, а бактерия существует только пять дней, а потом погибает. И кремы – те, что дешевле двух тысяч рублей, – вообще не работают или делают женщине только хуже! Но ты, рекламист, обязан из года в год повторять: потребляй, пей, ешь – и будешь идеальной, успешной, красивой! А тех, кто смеет даже не сказать – просто намекнуть на правду! – вышвыривают, не задумываясь! Как вышвырнули меня!!!

Таня закончила свой крик души, сердито кликнула на «отправить».

Комментариев не дождалась – отвлек звонок в дверь. Кто это может быть – в половине первого ночи?

На цыпочках прокралась в коридор. Снова звонок, мужские голоса. Скрипнула соседская дверь, зажурчал услужливый голос: «Татьяна-то? Дома, дома, где ей быть? Вон, и машина ее во дворе...»

Снова трезвонят, требовательно кричат:

– Откройте, полиция!

– Что случилось? – распахнула она дверь.

В квартиру ввалились двое.

Молчат, сверлят ее неприветливыми взглядами. Наконец первый молвил:

– Мы от Пряхиной.

– От кого?! – искренне опешила Татьяна.

– Пряхина Анастасия Григорьевна, ваша подружка. Беременная. Та, кого вы в общежитие поселили.

– Она Пряхина? Я и не знала, – проямлила Садовникова. – И какие ко мне претензии?

– В каких вы с ней находитесь отношениях?

– Да ни в каких. Просто помогла немного.

– Имея целью получить в качестве благодарности ребенка?

– Чего?!

– Что вы планировали сделать с младенцем? Оформить как собственного? Продать на органы?

Татьяна вспылила:

– Что за чушь вы несете?

– Ты выражения-то подбирай, – нахмурился первый полицейский.

А второй услужливо объяснил:

– Так Пряхина призналась во всем! Что вы сначала у нее ребенка отобрать пытались. А когда она отказалась, вынудили ее сына продать.

– Как продать? – захлопала глазами Садовникова.

– Да очень просто. На Комсомольской площади. За триста тысяч рублей.

– Это я ей велела? – совсем уж растерялась Татьяна.

– Пряхина утверждает: деньги ей нужны, чтоб с вами рассчитаться. Вы ей якобы в долг давали. И велели продать ребенка – чтоб расплатиться. С процентами.

– Я, что ли, сумасшедшая? С такой... такой... – Садовникова никак не могла подобрать нужного эпитета, – душой бизнес затевать?!

– Но вы ведь действительно оплатили ей общежитие. Талоны на питание купили. Имелись, значит, у вас определенные планы.

– Да пожалела я ее просто! Благотворительностью, блин, решила заняться!

Полицейские переглянулись.

– Послушайте, я кандидат наук и работаю на серьезной должности, – устало молвила Таня. – Неужели вы правда думаете, что я стану торговать детьми?

– Душа человека – потемки, – глубокомысленно изрек один из полицейских.

– Да бросьте. Я просто в людях не умею разбираться, – грустно вздохнула Татьяна. – Ребенок-то цел?

– В порядке, – хмуро буркнул второй страж. – В инфекционную отвезли, на карантин.

– Давайте, объяснение напишете, – велел первый.

...Отвязалась Таня от полицейских только в третьем часу утра. Устало плюхнулась на диван, грустно вздохнула. Ничего себе, начала она *новую жизнь!*

* * *

Несколько лет тому назад

Наталья Васильевна была одной из пациенток, на которой держался весь оздоровительный центр. Побольше бы таких, как она: любопытных, доверчивых, а главное, богатых! Обязательно опробует каждую новую процедуру, массажи, протестирует на себе кремы, сыворотки, скрабы... Девочки с рецепции над пожилой дамой посмеивались, называли ее – между собой – *всеядная бабка*.

Но Влада Симонова, директор оздоровительного центра, относилась к Наталье Васильевне с подчеркнутым уважением. Чувствовались в пожилой женщине неприкаянность, доброе сердце, незащитность. А что денег не считает – радоваться надо. Что смогла бабуля к шестидесяти годам найти (или сохранить) *спонсора*, кто оплачивает все ее излишества.

Влада несколько раз – в знак особого расположения! – приглашала богатую клиентку к себе в кабинет выпить кофе. В отличие от девиц с рецепции (те даже между собой соревновались: кто Наталье Васильевне как можно больше процедур навяжет) никогда даму не «разводила». Наоборот, просила ее соблюдать чувство меры, больше увлекаться здоровым образом жизни, а не ботоксом. Считала своим личным достижением, что отговорила клиентку от липосакции – зато убедила посещать классы йоги.

И гордилась, что – с ее помощью! – женщина в свои шестьдесят два выглядела от силы на сорок восемь.

Наталья же Васильевна, в свою очередь, смотрела на Владу восхищенными, преданными глазами. И доченькой называла.

Хотя у дамы и собственные дети имелись.

Впрочем, о них она не распространялась.

Единственный раз, когда Влада похвалила новый «Лексус» Натальи Васильевны, та гордо призналась:

– Сын подарил!

– А чем ваш сын занимается? – заинтересовалась директор оздоровительного центра.

Но клиентка тут же нырнула обратно в свою раковину. Неопределенно улыбнулась:

– Да так... всем понемногу.

А девчонки с рецепции (сколько Влада ни боролась, обожали перемалывать косточки посетительницам) тут же сочинили легенду: будто Наталья Васильевна замужем за крутым мафиози, а их отпрыск, молодой дон, постепенно прибирает власть над кланом в собственные руки.

Влада, когда случайно это услышала, лишь улыбнулась глупости администраторш: надо же настолько плохо разбираться в людской породе! Хотя, даже если вдруг это правда, не все ли равно – из какой семьи богатая клиентка?! Лишь бы продолжала исправно посещать клинику. Платить за многочисленные процедуры.

...Но однажды Влада столкнулась с Натальей Васильевной в холле и увидела: лицо у женщины сегодня выглядело совсем старым, и глаза хотя тщательно накрашены, но заплаканы. Директор встревожилась: горе постоянного клиента уже не чужое – почти свое. И тут же пригласила ее в свой кабинет.

Та слабо улыбнулась:

– У меня биоревитализация через пять минут.

– Я скажу Олечке, она вас подождет, – отмахнулась Влада.

А когда уселись рядышком в мягких креслах, прочувствованно спросила:

– Скажите, пожалуйста, я могу вам чем-то помочь?

Конечно, ничего у нее клиентка не попросит. Ну да главное – сочувствие проявить.

Однако Наталья Васильевна неуверенно произнесла:

– Даже не знаю, имеет ли смысл... Впрочем... – И огорошила: – Как вы считаете, алкоголизм излечим?

Влада не раздумывала ни секунды:

– Естественно.

– Вы уверены? – В голосе Натальи Васильевны звякнула горькая нотка. – А если человеку нравится пить? Если он не считает себя больным и запой для него – просто некая форма проведения досуга?!

– Я не нарколог, но уверена: проблема решается, – стояла на своем Влада. – Вопрос в методе.

– Видите ли, – безнадежно вздохнула Наталья Васильевна, – беда в том, что этот человек... очень близкий мне... не считает себя больным. И категорически отказывается лечиться.

– До какой степени все серьезно? – осторожно спросила директор клиники. – Человек потерял работу, бродяжничает, ворует на выпивку деньги?

– О господи, нет, конечно! – испуганно отозвалась клиентка. – Он абсолютно включен в социум... пока. Пока нам удастся хранить в тайне его безобразные запои.

– Простите, Наталья Васильевна, – мягко молвила Влада, – я могу узнать, о ком идет речь?

– О моем сыне, – опустила голову та. И неуверенно добавила: – Я никак не могу его убедить хотя бы даже посетить врача по профилю. А сомнительные методы, – она иронично улыбнулась, – все эти заговоры, порошки, что подмешивают в чай, шаманство над фотографией – конечно, никак не помогли... Вы не могли бы мне что-нибудь посоветовать?

– Единственный выход: убедить вашего сына, что он болен. Заставить его обратиться к доктору. А хорошего специалиста я вам, безусловно, найду, – заверила Влада.

– Бесполезно. Он не согласится, – покачала головой Наталья Васильевна. И с надеждой добавила: – Владочка, деточка, может быть, вы мне поможете?

– Но каким образом? Я ведь не нарколог! И даже – если честно! – давно уже не врач, всего лишь администратор!

– Зато вы, – убежденно молвила Наталья Васильевна, – умеете влиять на людей! Я-то уж знаю, каких усилий вам стоило превратить меня, отчаявшуюся старуху, в элегантную даму. Придумали ведь, как заставить следить за собой, знали, на каких струнах сыграть. Может, и для Гришеньки моего выход найдете?

– Но делать женщин красивыми и есть моя работа! – растерялась Влада. – А в каком ключе я на вашего сына могу повлиять?

– Ну, допустим, я загоню его к вам в клинику. Уговорю сходить на массаж, у него спина часто болит. А вы...

– Наташенька Васильевна, вряд ли это поможет, – мягко произнесла Влада. – Где массаж спины – и где алкоголизм?

Но собеседница не сдавалась:

– Влада, вы же такая умница! Ни в каких ситуациях не теряетесь! Пожалуйста, придумайте что-нибудь!

«Да у нее истерика просто», – опасливо подумала директор клиники.

Но и отказать клиентке никак нельзя.

– Хорошо, – твердо произнесла Влада. – Запишите вашего сына на прием. Только, конечно, не к массажисту. Допустим... к сомнологу. У него ведь, конечно, – как у многих из нас! – есть проблемы со сном?

– Да, да, безусловно! – просияла клиентка. – Когда Гриша работает, он вообще сам заснуть не может, только со снотворным! Он хотя бы ради того, чтоб рецепт получить, согласится прийти!

«Еще и лекарственная зависимость», – мелькнуло у Влады.

Но вслух она произнесла:

– Вот и придумали. Пусть приходит. Консультация сомнолога в любом случае не помешает. А я обещаю, что лично поговорю с вашим сыном. Попробую оценить, насколько далеко зашла болезнь. И чем ему можно помочь.

* * *

Будь она *настоящим врачом* — просто послала бы настырную пациентку, может быть, даже в грубой форме. Но Влада, к сожалению, давно забросила медицину практическую. Теперь, увы, она всего лишь администратор. И чтобы продолжать успешно руководить дорогой клиникой, против воли клиента идти никак нельзя.

«Кто другой так мирно все уладит! Там моську вовремя погладит, Тут впору карточку вотрет...» – вспомнилась бессмертная цитата. Ну что ей делать с маменькиным сыночком Гришенькой? Не читать же ему лекцию на тему, что пить – нехорошо? Влада еще помнила основной постулат преподаваемого в вузе курса наркологии: увещевать алкоголика совершенно бессмысленно. Тем более – постороннему человеку.

Придумала Наталья Васильевна – наверное, от отчаянья – очевидную глупость. Но *уждаться* ей придется все равно.

...Когда девочки с рецепции доложили, что явился пациент Монин, Влада, лучась улыбкой, поспешила в приемную. И в недоумении замерла: ждала увидеть человека с тяжелым взглядом, помятого, рано постаревшего – но ей навстречу выступил очень молодой, румяный, прекрасно подстриженный, элегантно одетый парень. Не смущаясь сгоравших от любопытства секретарш, он уверенно приблизился, поцеловал ей руку, трогательно вскинул правую бровь:

– Вы и есть та самая Влада-волшебница? Очень, очень рад познакомиться!

А Влада поймала себя на престранной мысли. Что ее рука легла в ладонь парня, будто в гнездо. Теплое, крепкое, надежное.

Она и раньше не знала, о чем ей с необычным пациентом говорить, а сейчас совсем в отчаянье пришла. Потому что парень оказался ей совершенно здоровым, да к тому же очень, просто чрезвычайно красивым. Беспечные синие глаза, точеный нос, пухлые губы – как, наверное, хорошо было бы с ним... Все, Влада, успокойся.

– Пойдемте в мой кабинет, – как могла сухо пригласила она.

А едва Монин уселся в кресло, выпалила:

– Хотите честно? Я не знаю, зачем вы пришли.

– Как зачем? – широко улыбнулся Гриша. – Перед мамулей прогнуться, конечно! – И заговорщицки подмигнул: – Она ж у меня, хотя девочка взрослая, ведет себя иногда, как ребенок! Вбила себе в голову, что в клинике вашей чудеса творят, ну и решила заодно и меня переродить. Мертвой водичкой сбрызнули, потом живой – и – оп-па! – гражданин Монин разом теряет интерес к хорошему вину и на всех вечеринках интеллигентно цедит минералку!

Влада озадаченно слушала. Пыталась, вороша давние знания, отследить тревожность, истерические нотки в голосе, какую-нибудь трихитилломанию или иное навязчивое движение. Но парень выглядел уверенным в себе, расслабленным, умиротворенным. И пахло от него вовсе не спиртным, а хорошей туалетной водой.

А тот продолжал болтать:

– Вы, наверно, от меня сейчас сакраментального ждете: «Нет, я не пью! Я не алкоголик!» А вот не буду врать. Пью. Как все. По пятницам, а иногда – кошмар! – даже по субботам...

Внимательно взглянул ей в глаза, вздохнул:

– Влада, милая, глупости это. На то и мама, чтобы краски сгущать. Хотя правду она тоже сказала. О вас. В кои веки полностью согласен с моей старушкой – вы абсолютно неподражаемы. У вас такое серьезное лицо всегда или только когда вы беретесь алкоголизм лечить? Да, кстати. Говорят, у вас очень вкусный кофе...

А когда Влада поставила перед ним чашечку, серьезно произнес:

– Дайте мне ваш электронный адрес. И завтра – не позже двенадцати! – обязательно проверьте почту.

* * *

Влада в свои тридцать три замужем ни разу не была. И даже не влюблялась так, чтобы в омут. Не до того: учеба, работа. А главное – ей просто не встречались парни *без червоточинки*, с кем хотелось бы руку об руку и куда угодно.

Но Гриша очаровал ее с первого своего иссиня-обжигающего, наивного, веселого взгляда. С первого письма, что пришло, как он и обещал, по электронке. Текста в нем не было – только фотография. На ней она сама (карточку сын Натальи Васильевны позаимствовал с сайта клиники). И роза в ее руках. Картинка оказалась динамической. Сначала цветок выглядел, как слабенький бутон, потом лепестки медленно развернулись, растение потянулось вверх, к солнцу. И рассыпались фейерверком разноцветные буквы: «Мы завтра вечером идем... ВМЕСТЕ ПИТЬ МИНЕРАЛКУ!»

«Что ж, – усмехнулась про себя Влада. – Я пойду. Будем считать, что я продолжаю выполнять поручение Натальи Васильевны».

В ресторане она заказала себе бокал вина. Вопросительно посмотрела на Гришу.

– Нет, Владушка, я с тобой пить не рискну, – усмехнулся он. – Тебе ж еще перед моей мамой отчитываться!

И весь вечер, как обещал, прихлебывал газированную воду. Влада пыталась перехватить завистливый, страждущий взгляд в сторону ее бокала, но Монин смотрел на пурпурное сухое совершенно равнодушно.

Однако веселился – и безо всякого спиртного. Сыпал анекдотами, рассказывал, с шутками-прибаутками, о своей работе – Гриша оказался дизайнером, довольно известным.

Лишь раз его живое, улыбчивое лицо стало полностью серьезным, когда он произнес:

– Влада, я хочу тебе спасибо сказать. За маму. Она ж в какой-то момент совсем на себя рукой махнула: я, мол, старуха, жизнь позади. А начала в вашу клинику ходить – заинтересовалась. Мы-то с отцом только рады, что она занятие себе нашла, и денег ее забавы оплачивать нам хватает. Но, признаться, боялись – явится после ваших процедур однажды, как зомби: лицо совершенно гладкое, но неживое. Но вы ее как-то хитро омолодили. Вроде и есть морщинки, но такие естественные, милые, даже украшают ее! Я – как дизайнер – понимаю, насколько это сложно.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась Влада.

Ей было легко с шепотным, энергичным, ярким, веселым парнем. И все ж точила мыслишка: ну не могла же Наталья Васильевна панику на совершенно пустом месте поднять! Есть у него, наверно, проблемы с алкоголем – только скрывает умело.

Однако, когда они встретились через пару дней, тоже не произошло ничего настораживающего. На этот раз Гриша даже с ней выпил – один, как и девушка, джин с тоником. Влада боялась: вдруг он мгновенно опьянеет? Или тут же закажет второй бокал? Но нет – цедил точно в ритм с нею маленькими глотками. А когда пошли после ресторана прогуляться, Влада задала провокационный вопрос: «Вечер хороший. Может, еще пивка на лавочке?»

Но парень перчатку не поднял, расхохотался:

– Понижать градус? Да на улице? И это мне предлагает директор оздоровительного центра?!

Посерьезнел, добавил:

– Владушка, брось. Мой якобы алкоголизм здесь вообще ни при чем. Мамуля просто свою дипломатию развела. Я не пристроен, от тебя она – в восторге. Знакомить нас у нее бы не получилось, мы с тобой люди взрослые, самодостаточные, свататься бы отказались. Только и оставалось придумать проблему и попросить, чтоб ты ее решила. У вас же, девчонок, в крови – всех спасти!.. Вот ты и клюнула!

– Ну, возможно, – задумчиво произнесла Влада.

Хотя про себя подумала: будь у нее самый сын, никогда бы не стала, чтоб с девушкой познакомиться, придумывать для него болезнь, к тому же не слишком благородную. Потому продолжала допускать, что Гриша – все-таки алкоголик, пусть и не в последней, когда под забором валяются, стадии.

Однако уже и жить вместе стали (Наталья Васильевна была нескрываяемо счастлива), а он никаких поводов для беспокойства не давал.

Срыв случился через пару месяцев, когда Влада уже совершенно расслабилась.

Гриша получил большой заказ и напряженно работал. Владе не очень нравился его график: сидеть за компьютером ночами, днем отсыпаться. Но когда попыталась перевоспитать, любимый вздохнул:

– Муза, Владушка, дама капризная. Днем – отсутствует напрочь. Но я не против. Пусть когда угодно приходит – лишь бы являлась!

И подстегивал вдохновение литрами кофе, огромным количеством энергетических напитков.

Но когда спихнет, наконец, заказ, обещал ей, что йогой займется и что гулять они вместе будут каждый вечер.

Однажды утром разбудил ее поцелуем:

– Все, милая. Закончил. Жди вечером праздника!

Однако вернулась она после работы в пустую квартиру. Побежал за цветами? В магазин за деликатесами? Но Гриша явился лишь к полуночи. Вдребезги пьяный.

Устраивать скандал Влада не стала. Помогла раздеться, уложила на диван. Утром, естественно, ждала покаяния, извинений. Но Гриша лишь хитро улыбнулся:

– Словами вину не загладишь.

Быстро оделся, выбежал из квартиры... и пришел спустя три часа. С тремя помятыми гвоздичками – и пьяный даже больше, чем вчера. Пробормотал виновато:

– Не обижайся, Владка. Что-то нашло на меня... Заказ этот – всю душу вымотал. Надо восстановиться.

И снова плюхнулся спать.

М-да. На полный контроль над алкоголем – как Гриша хвастался – это было совсем непохоже. Но и страшного пока ничего нет, успокаивала себя Влада, что поделаешь, человек творческий. Нужен ему, наверно, после огромного умственного напряжения подобный примитивный релакс.

Увы, растянулся «релакс» на целую неделю. Причем с каждым днем хмель у Григория становился все тяжелее, и компании ему не требовалось: сидел в одиночестве над бутылкой, отрешенный, мрачный...

Влада совсем затревожилась, готова уже была вызвать нарколога, вытрезвлять на дому.

Но на восьмой день Гриша вскочил ни свет ни заря и бросился не в магазин за водкой, а к кофеварке. Влада накинула халатик, последовала за ним.

– Ты такой крепкий не пьешь, – виновато пробормотал Григорий. – Я тебе сейчас нормальный сварю.

И лицо его – впервые за кошмарную неделю – осветила прежняя солнечная улыбка.

Поцеловал ее, пробормотал благодарно:

– Спасибо тебе.

– За что? – холодно поинтересовалась она.

– Что мозг не выносила. Что бутылки не прятала, – усмехнулся он.

– Я все-таки врач, – пожала плечами девушка. – Понимаю, что бесполезно. Но сейчас...

– Да понял я, все понял, – перебил Гриша. – Нельзя так. Опасно, вредно, некрасиво и тэдэ. Давай выбирай – ты ж у нас специалист: чего делать будем? Кодироваться? В анонимные алкоголики вступать?

– Гришенька, – тихо произнесла Влада, – у тебя такое часто бывает?

– Ну... – задумался он. – В год несколько раз.

– А говорил – мама все придумывает! – упрекнула она.

– Так ты понимаешь, – досадливо отозвался Григорий, – я скоро в себя окончательно приду и снова буду считать: на пустом месте маман панику разводит. Мне ведь стыдно только сейчас, когда похмелье. Голова трещит, весь мир в черном цвете. Но дотяну до вечера – и опять все лучезарно! Я огурчик, здоров, полон сил! Ты же видела: я могу и совершенно нормально пить, как все. Бокал вина на аперитив, рюмочку коньяка – на дижестив. Но иногда – сама видишь! – тормоза отказывают.

– Значит, будем чинить твои тормоза, – решительно молвила Влада. – Пока ты с горы не сорвался. На крутом повороте.

И в тот же день записала Гришу на прием к хорошему наркологу.

Надо было бы отправиться с ним вместе, но закрутилась на работе, да и любимый возмущался:

– Что я, ребенок, за ручку меня к доктору водить?!

– Ладно, Гриша, я на тебя надеюсь.

...Но надеялась зря. На прием к врачу любимый не пошел:

– Клянусь, Владушка. Я уже все решил. Ради тебя я бросаю. И справлюсь сам. Не веришь – испытательный срок мне установи.

Она поверила. Но через месяц история повторилась.

Здесь уж пришлось проявить твердость, затащить Гришу к наркологу. Тот назначил лечение... но любимый снова умудрился уйти в запой. В этот раз, видно, из-за препаратов, что должны были вызвать отвращение к спиртному, загул проходил совсем некрасиво. Гриша скандалил, бил посуду, его тошнило, но он упрямо продолжал поглощать рюмку за рюмкой.

Влада по-прежнему любила его. Но на третий день беспробудного пьянства, когда рано утром Гришаня умчался за добавкой, вызвала слесаря. И сменила в квартире замки. Жить с алкоголиком – пусть даже вне запоев тот замечательный человек! – она не станет.

К двери прилепила записку: «Езжай к маме. Твои вещи я тебе привезу, когда протрезвеешь».

День на работе прошел тоскливо. И если до обеда она была уверена: поступила правильно! – то к вечеру ее охватило раскаянье. Вместо того чтоб помочь, выгнала беспомощного человека, и все! А ведь Гришина мама на нее надеялась...

Впору самой от безысходности выпить немного. Пару рюмочек, чтобы нервное напряжение сбросить.

Но когда вернулась домой (в пакете прятался коньяк – подношение благодарного пациента), на пороге ее встретил... Гриша! Снова пьяный, губы в глупой ухмылке.

Увидел ее, заулыбался:

– Солнце ты мое!

И, будто заправская ищейка, сунул нос в пакет, радостно схватился за коньяк:

– То, что мне нужно!

– Ты как сюда попал? – нахмурилась Влада.

– Через дверь, летать я не умею! – Он уже открывал прямо в коридоре бутылку – руки некрасиво тряслись.

– Но я же...

Отхлебнул из горлышка, расплылся в блаженной улыбке:

– Нектар. – И подмигнул: – А замки больше не меняй. Со мной это бесполезно. Один из моих многочисленных талантов – могу открыть любой. Даже без отмычки. Неоценимый я у тебя человек! – хмыкнул. – Из дизайнеров выгонят, пойду взломщиком. Тоже доход. Очень приличный.

И целоваться лезет, что за мерзость!

Влада оттолкнула Григория, убежала к себе в комнату. Закрыла дверь на задвижку, крикнула:

– Только посмей тронуть!

Он, по счастью, штурмовать ее покои не стал.

А когда девушка решила, уже к полуночи, выйти в туалет, увидела: Гриша спит в грязных ботинках на белом мехе дивана...

И самое главное: даже сейчас вовсе *не* *противно* ей было на него смотреть. Жалость, любовь, беспомощность ее переполняли. Но совсем не презрение.

...А потом снова наступило похмелье. Покаяние. Врач. Очередные, уже более сильные, препараты. Полный запрет на спиртное в доме.

Гришина мама неприкрыто страдала и умоляла Владу:

– Деточка, ну пожалуйста! Уже не прошу исцелить его! Просто не оставляй его! Ну есть же люди, кто всю жизнь понемногу пьет.

Ничего себе понемногу!

Иллюзий Влада не питала: если она хочет жить с *любимым*, а не с жалкой, опустившейся личностью, нужно срочно принимать меры. Но какие?

В клинику Григорий ложиться отказывался категорически. Он продолжал считать: алкоголик – тот, кто пьет ежедневно. «А у меня, Владушка, не запои, а что-то вроде творческого отпуска! В наших кругах это вообще норма: поработал, напряг мозги – расслабился».

Хотя нарколог – Влада явилась к нему на беседу – был неумолим:

– Он сопьется окончательно. Вопрос года, не больше.

– Но сделайте же, черт возьми, тогда что-нибудь! – сорвалась она.

Врач лишь руками развел:

– Вы, коллега, должны понимать. Даже в травматологии, в хирургии больной прежде всего должен хотеть поправиться сам. Если этого нет, медицина бессильна. Мой вам совет: бросьте его. Только свою жизнь вместе с ним поломаете.

Но Влада продолжала любить Гришу – прежнего. Искрометно веселого, заботливого, ласкового. Стояла над постелью, смотрела, как мечется любимый в тяжелом алкогольном сне, и вспоминала их светлые дни. Когда вместе сидели у телевизора, выбирали новые занавески, он учил ее играть в компьютерные игры, пел ей под гитару. Внимательно выслушивая ее указания, делал ей массаж... Когда перевез однажды в ее квартиру любимые свои безделушки – от школьного еще плюшевого медведя до сувениров из зарубежных поездок, и они расставляли их, вперемешку с Владиными, в серванте. Как смеялись, что потертый мишка составил прекрасную пару ее старенькой, времен детского сада, кукле! А потом Гриша серьезно сказал:

– Все, милая. Раз наши игрушки сидят рядом, значит, и мы с тобой вместе – навсегда!

И ей тоже так этого хотелось!

А чтобы спасти любимого, Влада была готова на все.

* * *

Наши дни. Таня Садовникова

Любимейший читатель Таниного блога выступал под ником *Толстяк*, а в реале – приходился ей отчимом.

Полковник Ходасевич, пусть любил поворчать, что виртуальный мир подменяет реальную жизнь, сам в Интернете бродил частенько. Записи падчерицы читал исправно, а иногда даже на них откликался. Как сейчас, лапидарно: *Утка с гречневой кашей*.

Конечно же, Таня ответила: *Приеду!*

И уже через час входила в скудно, по-холостяцки обставленную квартиру. Впрочем, запахи здесь витали – лучшим ресторанам такие не снились.

– Утка фермерская, с утра еще крякала, – гордо оповестил Валерий Петрович, – начинил черносливом, на гарнир гречка, пышненькая, как ты любишь.

И у Тани (хотя, пока ехала, уверена была, что после всех переживаний даже кусочка не проглотит) сразу слюнки потекли.

А когда набила живот до отказа (аргументов про диеты Ходасевич не принимал и, если она не доедала, всегда обижался), уже и события последних дней стали казаться всего лишь обидными – но вовсе не роковыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.